

Н.Ю. Муравьёва

Специфика категории падежа в аспекте преподавания русского языка как неродного

В статье рассматривается морфологическая категория русского падежа с позиции учащегося-инофона. Сопоставительный аспект рассмотрения категории позволяет дать некоторые рекомендации по преодолению грамматических трудностей для носителей конкретных языков разных языковых семей.

In this article the morphologic category of a Russian case is examined from a foreign student's point of view. The comparative examining aspect can provide some recommendations for overcoming grammar difficulties to native speakers of actual languages representing different language families.

Ключевые слова: грамматика; категория падежа; морфологический падеж; русский язык в сопоставительном аспекте; русский как неродной.

Keywords: grammar; category of case; morphological case; the Russian language in comparative aspect; Russian as a foreign language.

Категория падежа интересна в аспекте преподавания русского языка как неродного в связи с тем, что, с одной стороны, эта категория есть не во всех языках, с другой, формальная и семантическая природа категории в русском языке и других языках, тоже имеющих падеж, может значительно различаться. Задача данной статьи — охарактеризовать в основных чертах специфику русского падежа в сравнении с другими языковыми системами. Выбор языков для сравнения был связан прежде всего с полиэтничным составом сегодняшних столичных школ.

Под падежом в русском языке имеется в виду падеж морфологический, то есть наличие системы именно морфологических показателей определённых падежных значений.

Поэтому, во-первых, тема «Падеж» вызывает известные трудности для носителей таджикского языка, а также болгарского, английского, французского, китайского и других языков, которые этой категории не имеют.

При этом падежные значения, или определённые семантические роли, есть в любом языке, но их выражение может быть принципиально иным, чем в языках с морфологическим падежом. Например, падеж может выражаться сочетанием существительного с определёнными предлогами или послелогами, порядком слов и т. п. (как в таджикском, английском и др.). В некоторых артиклевых языках — через изменение окончаний у артикля (как, например, в некоторых памирских языках, а также в немецком). Кроме того, остатки

падежной системы (хотя бы два-три падежа) в абсолютном большинстве языков сохраняются у местоимений (архаичной части речи, которая медленней остальных меняет свои категории). Таким образом, понятие о падежных значениях в любом случае есть у носителя любого языка. Но в русском языке падеж выражается именно морфологически, то есть окончанием самого существительного (а также местоимения и других — согласуемых — частей речи). Остальные языковые средства — предлоги, ударение и чередования, тем более порядок слов (*Мать любит дочь; Добро побеждает зло*) — чаще всего оказываются лишь вспомогательными, дополнительными.

Во-вторых, категория падежа присуща большинству как фузионных языков (к которым, в частности, принадлежит русский), так и агглютинирующих языков.

Однако принципиальное различие заключается в том, что в агглютинирующих языках парадигма склонения «более регулярна и единообразна» [7], а средства выражения грамматических значений стандартны. Фонетические изменения (чередования) в слове возможны лишь позиционные (объясняемые не историей и традициями, а, например, активным в современном языке законом сингармонизма).

Если для языков фузионного (флективного) типа склонение есть изменение существительного (и других частей речи) по падежам и числам, то для агглютинирующих языков, у которых один аффикс может иметь только одно значение, — только по падежам (так как аффикс множественного числа, единый для всех форм, присоединяется отдельно). Следовательно, носителям этих языков достаточно запомнить лишь по одному показателю (аффиксу) для каждого падежа. Кроме того, падежные окончания часто совпадают у всех имеющих падеж частей речи (трудности могут возникнуть лишь с местоимениями, реже — с числительными, представляющими наиболее архаичные типы слов, а потому допускающими нерегулярность).

В то время как для изучающих русский язык необходимо выучить множество окончаний в каждом падеже: отдельно для единственного и множественного числа, отдельно для слов разных склонений, отдельно для существительного, местоимения, числительного и прилагательного с остальными согласуемыми частями речи.

В-третьих, понятие «тип склонения» в агглютинирующих языках может присутствовать, но пониматься будет лишь как зависимость прикрепляемого аффикса от типа основы (например, в грузинском именные основы могут оканчиваться и на гласный, и на согласный звук, и в зависимости от этого говорят или о сильном, или о слабом склонении [4]), либо как разграничение двух парадигм с дополнительными аффиксами и, соответственно, смыслами. Например, притяжательная парадигма склонения в уральских языках противопоставлена «нейтральной», или «безличной» (то есть аффиксы падежа могут, прибавляясь, следовать за показателем притяжательности, а могут присоединяться непосредственно к основе существительного) [9]. Или парадигма определённого склонения противопоставлена неопределённому склонению в мордовских языках

(ситуация, в принципе, похожа на ситуацию в литовском, где краткие формы прилагательного воспринимаются как характеристика определённого признака, а полные — неопределённого. Различие, таким образом, заключается лишь в окончаниях прилагательного [6]). Но чаще о типах склонения не говорят вовсе.

В-четвёртых, различные склонения в «нашем» понимании характеризуют агглютинирующие языки с элементами фузии или полностью фузионные языки, в которых количество склонений может совпадать или даже превышать количество склонений в русском. Например, в аварском языке выделяют три склонения существительных (совпадающих со склонением числительных) [1], в эстонском — тоже три основных склонения (где окончания одинаковы и для существительного, и для прилагательных, и для числительных). В литовском склонений пять [6], в армянском — восемь.

В-пятых, количество падежей в языках, имеющих эту категорию, тоже может быть различным. Обычно в языке пять-шесть падежных форм. В узбекском шесть падежей [2], в грузинском и армянском — по семь падежей [4], в марийском — девять [5]. Часто больше двадцати падежей в финно-угорских языках и в языках горного Дагестана: в лезгинском их восемнадцать, а в родственном ему табасаранском — сорок шесть (обычно такое количество падежей связано с многочисленностью местных падежей, которые могут соответствовать чуть ли не всем пространственным предлогам в русском языке) [3]. Но есть и малопадежные системы: например, в румынском языке всего три падежа.

В-шестых, чем меньше в языке падежей, тем больше многозначности. Каждый падеж в русском языке является многозначным — имеет обычно более четырёх-пяти основных значений.

Набор семантических ролей падежей от языка к языку меняется не столь сильно, как количество падежных форм. Основные семантические роли падежей — это обозначения деятеля, активного участника ситуации (*человек идёт*), объекта, пассивного участника (*срубить дерево*), субъекта восприятия (*Маша видит кошку*), адресата (*письмо Маше*), обладателя (*вернуть что-то Маше*), заинтересованного лица (*Маше купили мороженое*), инструмента (*резать ножом*), причины (*по незнанию*), места (*в лесу*), исходного пункта движения (*из дома*), конечного пункта движения (*приехать в город*), траектории (*по мосту*), а также роль второстепенного участника ситуации (*прийти с друзьями*), показателя отсутствия (*прийти без друзей*), сравнения (*быстрее ветра; прыгать воробышком*), превращения (*стать учителем, пойти в солдаты*) и др. Как видно из комментирующих примеров на русском языке, в любом языке перечисленные ситуации могут быть обозначены теми или иными средствами. А различия в количестве падежей в разных языковых системах сводится к количеству морфологизированных семантических ролей (выражаемых определёнными аффиксами).

В-седьмых, различия могут наблюдаться и в разном наборе падежных смыслов даже при одинаковом их количестве. Например, в узбекском языке, как и в русском, шесть падежей, но совпадают лишь именительный, дательный

и винительный. Остальные три узбекских падежа — это местный, исходный и притяжательный [2]. В марийском языке падежей девять, но, помимо «общих» с русским именительного, родительного, дательного и винительного, в этом языке употребляются местный, направительный, обстоятельственный, совместный и сравнительный [5].

В-восьмых, многозначность падежей может не совпадать в разных языках: субъект восприятия, ощущения и эмоции (*я вижу, радуюсь, боюсь, люблю, надеюсь*) в русском языке выражается обычно именительным падежом, то есть совпадает с деятелем, активным участником ситуации, а в лезгинском, аварском, грузинском — с косвенным падежом, передающим также значение адресата (ср. в русском языке дательный падеж: *помоги мне и мне слышится песня*) [3].

В-девятых, в русском языке винительный падеж является ещё и средством выражения одушевлённости/неодушевлённости. При этом дополнительная смысловая нагруженность винительного падежа характерна не только для русского языка. Прямое дополнение является одновременно грамматическим показателем одушевлённости, личности или определённости в армянском, осетинском и других иранских и некоторых романских языках.

В-десятых, ещё одна проблема, касающаяся категории падежа, связана с противопоставлением языков номинативного и эргативного строя. Если в языках номинативного типа (в русском и др.) основным падежным противопоставлением будет противопоставление субъекта и объекта (субъект — именительный падеж, объект — винительный: *Идёт дождь; Идёт Иван; Иван рубит дрова*), то в эргативных языках — противопоставление активного деятеля (субъекта при переходном глаголе) объекту при переходном глаголе или субъекту при непереходном глаголе (которые выражаются грамматически одной и той же формой). В первом случае говорят об эргативном падеже (*Иван рубит дрова; Иван привёл телёнка*), а во втором — об абсолютном (*Идёт дождь; Идёт Иван; Иван рубит дрова; Иван привёл телёнка; Телёнок пришёл*) [8]. То есть для номинативных языков важно противопоставление субъекта и объекта действия, причём понятие субъекта не различает позиции — при переходном ли глаголе употребляется существительное или при непереходном. А для языков эргативных — важнее оказывается единство «самостоятельного» (с воздействием на кого/что-либо не связанного) субъекта и объекта чьего-либо воздействия. Вместе они (выражаемые одной и той же падежной формой) противопоставлены активному, действующему на кого- или что-либо субъекту (при переходном глаголе), для которого создаётся отдельная форма падежа — эргатив. К эргативным языкам относятся аварский и большинство других кавказских языков, а также чукотско-камчатские [8].

Таким образом, при обучении русскому языку необходимо учитывать следующую специфику категории падежа:

- падеж есть категория морфологическая;
- выражается окончанием;

- окончание зависит от типа склонения (который надо заучивать);
- окончания различны в единственном и во множественном числе;
- различны у разных частей речи;
- порой нерегулярны и непредсказуемы (см. особенно формы И.п. мн., Р.п. мн.);
- возможна омонимия окончаний (в том числе с аффиксами других частей речи);
- чередования и ударения далеко не всегда объяснимы с точки зрения синхронии;
 - одна морфема — окончание — передаёт информацию не только о падеже, но и о числе, а иногда и о роде и одушевлённости/неодушевлённости;
 - у большинства слов языка падежей шесть, но у некоторых их больше (см. вопрос о местном падеже, партитиве и др.);
 - каждая падежная форма многозначна;
 - русский язык характеризуется номинативным строем языка.

Кроме того, в связи с русским языком уместно говорить о предложно-падежной синонимии: *Я не сплю — Мне не спится; Я слышу — Мне слышится какой-то звук; Известный архитектор построил дом — Дом был построен известным архитектором — Дом был построен по проекту известного архитектора; Ветер унёс лодку — Ветром унесло лодку; Брат испачкал тетрадь Маши — (Брат испачкал Машину тетрадь) — Брат испачкал Маше тетрадь; Лучшие иди полем — Лучшие иди через поле* и т. п. В семантической разнице между этими предложениями вполне возможно разобраться, однако лишь на продвинутом этапе обучения.

Более того, категория падежа даёт возможность начать разговор и о морфологии глагола (переходность/непереходность глаголов, образование страдательного залога, в том числе причастных форм), и о синтаксисе (глагольное управление, выделение подлежащего и дополнения в предложении, страдательные и безличные конструкции).

Обучение неродному языку невозможно без заучивания новых слов: изучающие русский язык должны одновременно с лексическим значением слова привыкать запоминать и родовую характеристику и тип склонения для существительного. А также тип управления (предлог и падеж зависимого существительного, которые также нечасто совпадают в разных языках) — для глагола. Рекомендуется до начала изучения синтаксиса обращать внимание учащихся на необходимость накопления этих знаний.

Библиографический список

Литература

1. Алексеев М., Атаев Б. Аварский язык. М.: Academia, 1997. 141 с.
2. Исматуллаев Х.Х. Самоучитель узбекского языка. Ташкент: Укитувчи, 1991. 144 с.
3. Плузьян В.А. Почему языки такие разные. Популярная лингвистика. М.: АСТ-пресс книга, 2010. 272 с.

4. Руденко Б.Т. Грамматика грузинского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 276 с.
5. Учаев З.В. Марийский язык. Марий йылме. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2003. 99 с.

Справочные и информационные издания

6. Булыгина Т.В. Литовский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 271. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/271a.html>, свободный. Электрон. версия печ. публикации.
7. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Склонение // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 456–457. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/456b.html>, свободный. Электрон. версия печ. публикации.
8. Климов Г.А. Эргативный строй // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 593. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/593b.html>, свободный. Электрон. версия печ. публикации.
9. Серебренников Б.А. Уральские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 537–538. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/537d.html>, свободный. Электрон. версия печ. публикации.

References

Literatura

1. Alekseev M., Ataev B. Avarskij yazy'k. M.: Academia, 1997. 141 s.
2. Ismatullaev H.H. Samouchitel' uzbekskogo yazy'ka. Tashkent: Ukituvchi, 1991. 144 s.
3. Plungyan V.A. Pochemu yazy'ki takie razny'e. Populyarnaya lingvistika. M.: AST-pess kniga, 2010. 272 s.
4. Rudenko B.T. Grammatika gruzinskogo yazy'ka. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. 276 s.
5. Uchaev Z.V. Marijskij yazy'k. Marij jy'lme. Joshkar-Ola: Marijskij gos.un-t, 2003. 99 s.

Spravochny'e i informazionny'e izdania

6. Buly'gina T.V. Litovskij yazy'k // Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' / Pod red. V.N. Yarcevoj. M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1990. S. 271. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/271a.html>, svobodnyj. E'lectron. versiya pech. publikacii.
7. Buly'gina T.V., Kry'lov S.A. Sklonenie // Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' / Pod red. V.N. Yarcevoj. M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1990. S. 456–457. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/456b.html>, svobodny'j. E'lectron. versiya pech. publikacii.
8. Klimov G.A. E'rgativny'j stroj // Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' / Pod red. V.N. Yarcevoj. M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1990. S. 593. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/593b.html>, svobodny'j. E'lectron. versiya pech. publikacii.
9. Serebrennikov B.A. Ural'skie yazy'ki // Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' / Pod red. V.N. Yarcevoj. M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1990. S. 537–538. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/537d.html>, svobodnyj. E'lectron. versiya pech. publikacii.